

Ученики Клана Меча поставили на Тан Цзянли, ученики Клана Алхимии и Клана Сердца — на Сяо Мофаня, часть учеников Медицинского Клана тоже поддержала Тан Цзянли, а остальные, фыркнув, ушли прочь.

Янь Уюй, следуя общему примеру, тоже сделал ставку на Тан Цзянли и с невинным видом сказал:

— Старший шурина ведь теперь считается нашим новым зятем, так ведь?

Е Чанцзянь поднял руку и стукнул его кулаком по лбу:

— Ты вообще умеешь говорить? Это твоя невестка!

Он взглянул на ставки:

— Почему у учеников Клана Сердца тоже нет глаз на лицах?

Ли Цзюньян метко заметил:

— Старший брат победил Юнь Сянжун.

Клан Меча уже одержал победу над Кланом Сердца. Если снова ставить на победу Клана Меча, разве это не значит поднимать дух чужих и уничтожать свой собственный?

Подумав об этом, Е Чанцзянь, как обычно, проревел:

— Тан Цзянли, если не победишь этого шарлатана, возвращайся в Гусу пахать землю!

Поднялся громкий хохот.

Тан Цзянли тоже не смог удержаться от улыбки, глядя на него с прищуром.

Сяо Мофань не выдержал и злобно сверкнул на них глазами; на его лице всё ещё виднелся красный след от пощечины, что лишало его взгляд всякой угрозы.

Е Чанцзянь фыркнул, глянув на него, а затем обернулся к Тан Цзянли с улыбкой.

Со смотровой башни Тан И хмуро произнес:

— Поединок начинается, до первого касания!

Сяо Мофань холодно хмыкнул:

— Сяо Мофань из Клана Алхимии Сяо, прошу указаний!

Он не поклонился, поэтому Тан Цзянли тоже не ответил на приветствие.

Тан Цзянли, стройный и статный, холодно произнес:

— Тан Чэнь из Клана Меча Танмэнь.

Едва он произнес эти слова, раздался звон, и меч Ханьцзянь выскользнул из ножен.

Зеленый дракон выплыл из Треножника Шэнь-нуна, поднял голову и издал долгий клич, устремляясь навстречу мечу.

Меч Ханьцзянь и Зеленый дракон яростно сражались в воздухе, смешивая свет меча и зеленое сияние.

Тан Цзянли и Сяо Мофань перебирали печатями, непрерывно меняя заклинания, приемы следовали один за другим так быстро, что глаза разбегались.

Янь Уюй удивленно «эхнул» и вытащил из кармана кисть «Летающий лебедь тушью», кончик которой слегка дрожал:

— Цзинхун говорит, что ему страшновато.

Ли Цзюньянь заметил:

— Треножник Шэнь-нуна — древний артефакт. Твой духовой инструмент ниже его рангом, так что страх вполне нормален.

Всепроникающее Зеркало Инь и Ян у пояса Е Чанцзяня тоже затряслось. Он наклонился и спросил:

— Почему ты тоже боишься?

Затем он фыркнул:

— Чего вы перепугались? Этот треножник что, проглотит вас?

Янь Уюй ответил:

— Цзинхун говорит, что это, похоже, не треножник.

Если это не Треножник Шэнь-нуна, значит, это меч в руках Тан Цзянли.

Раздался звон.

Треножник Шэнь-нуна, висевший в воздухе, померк и упал на землю. В одно мгновение победитель был определен.

Ли Цзюньянь изумился:

— Меч в руках Тан Цзянли — нечто необыкновенное.

Е Чанцзянь, занятый подсчетом денег, не заметил, как на мече мелькнул золотой иероглиф «Убийство».

Тан Цзянли холодно произнес:

— Прошу прощения за грубость.

С этими словами он медленно спустился с арены и подошел к Е Чанцзяню.

Со смотровой башни Тан И объявил с ноткой одобрения в голосе:

— В этом поединке победил Клан Меча Танмэнь!

Ученики Клана Меча радостно закричали, а ученики остальных трех кланов скривились и разошлись с недовольным видом.

Е Чанцзянь уже хотел поднять голову и пошутить с ним, как вдруг услышал холодный голос:

— Цзянли, подойди-ка.

Он посмотрел в сторону голоса: Тан Жои холодо взирала на них, а Тан И сердито сверкнул на него глазами.

Тан Цзянли слегка кивнул и сказал Е Чанцзяню:

— Я скоро вернусь.

С этими словами он ушел вместе с Тан Жои.

Янь Уюй почесал подбородок:

— Это что, хотят разлучить парочку?

Ли Цзюньянь прямо заявил:

— На этом турнире вы оба слишком раскомандовались, флиртуете ни шатко ни валко, так и хочется объявить всему миру о ваших отношениях!

Е Чанцзянь пожал плечами и сунул лишние банкноты в рукава обоим, небрежно бросив:

— Как угодно. Если клан Танмэнь не захочет Тан Цзянли, я заберу его к себе домой.

Ли Цзюньянь возразил:

— Ты загоняешься. Старший брат — редкий талант для культивации, гений в мире совершенствования. Клан Танмэнь ни за что не выгонит его из дома. К тому же, среди следующего поколения Танмэнь пока нет никого, кто смог бы занять место Патриарха.

— Я полагаю, что в главной семье Танмэнь случилось что-то, и нынешний Патриарх, возможно, уже при смерти.

Е Чанцзянь еще раз убедился, что Ли Цзюньянь — настоящий ворон.

Вечером Тан Цзянли так и не пришел, и даже Малыш Тигр исчез.

На рассвете от Тан Сюаня он узнал, что Тан Цзянли срочно уехал в Гусу.

Том второй. Четыре Великих Клана

Тем временем Ли Цзюньянь и другие проводили его и Янь Уюя до ворот «Далёкие Облака и Воды». Они готовились начать двухмесячное путешествие для учебы.

Маршрут пролегал через клан Танмэнь в Гусу, клан Тушань в Цзянся, клан Сяо в Западной столице и клан Юньшань в Ючжоу.

Ли Цзюньянь держал их за руки, словно провожал замуж дочь:

— Юаньсы, Лу Яо, мы расстаемся на два месяца. Один день разлуки — словно три года!

Е Чанцзянь фыркнул на него:

— Хватит, береги себя. Если Тан Ханьюй и другие будут искать с тобой неприятности, веди себя скромнее, не лезь на рожон, а если не получится — терпи, пока я не вернусь и не отомщу.

Ли Цзюньянь с удивлением спросил:

— Ты разве не знаешь? Не только старший брат, но и Тан Ханьюй с другими прямыми потомками были вызваны обратно в клан Танмэнь.

В клане Танмэнь что-то стряслось, и Е Чанцзянь, тревожась о Тан Цзянли, лишь отмахнулся от него, а затем вместе с Янь Уюем спустился с «Далёких Облаков и Вод».

Янь Уюй взмахнул рукавом, и из него вылетел чистый лист бумаги. Он достал кисть «Летящий лебедь тушью», провел ей, и синяя тень промелькнула. Два великолепных коня вышли из бумаги.

Они легко вскочили на лошадей, сжали бока, и копыта застучали, унося их к пристани.

Добравшись до пристани в городке Яньу, они спешили. Янь Уюй легким взмахом руки развеял коней, а затем нарисовал небольшую лодку с черным тентом.

Он мягко опустил бумагу на воду, синий свет скользнул, и на поверхности озера появилась лодка с черным тентом.

Янь Уюй сказал:

— Прошу!

Е Чанцзянь легко шагнул на нос лодки.

Янь Уюй последовал за ним, наклонился и забрался под тент.

Им не нужно было налагать печати, лодка сама поплыла на юг.

Спустя несколько дней, преодолев ветра и дожди, они наконец добрались до Гусу.

Легкий ветерок качал ивы, аромат цветов щекотал ноздри. Дождь только что прошел, облака рассеялись, и ветер утих.

Теплое солнце заливало озеро Лицзэ светом, вода переливалась, а вокруг разносились песни.

Лодка с черным тентом медленно плыла по воде. Окно в борту было приоткрыто, и сквозь него были видны постепенно удаляющиеся берега Гусу, каменные мосты и улочки, словно пятна туши на картине.

Янь Уюй сидел под тентом; на столе перед ним лежал лист бумаги, и он, держа в руке кисть «Цзинхун», размашисто рисовал.

Е Чанцзянь стоял на носу лодки, заложив руки за спину. На его поясе висел изящный белый нефритовый амулет. Одетый в сине-белую одежду, он выглядел утонченно и неподражаемо, излучая элегантность.

На корме восседала прекрасная певица с белой кожей и черными, как атлас, волосами. Она обнимала пипу и мелодично напевала:

*

Вина кубок полон, весенний цвет опьяняет старца,

Тянет ветви цветов вина отряд.

Иди за мной, отрок, сосуд пуст, но радость нетленна.

Кто со мной?

Горы провожают нас, ветер как Лецзы несет,

Лецзы на ветру летит.

*

Е Чанцзянь подхватил:

*

Рукой бью по перилам, туман и цветы ласкают виски,

Холоден морской бриз.

Песнь громкая развеивает облака, считаю я горы.

В сторону Пэнляя смотрю, на голове повязка,

К спине журавля привык.

Голову задрал, кричу, прямиком к алтарю небесному летя.

*

Говорят, в руках — красота, которую жаль покидать, на лодке улыбка, и весенний ветер касается лица.

— Маленький господин, чудесно поете.

Женщины, стиравшие белье и полоскавшие рис на берегу, подняли головы и ласково улыбнулись ему.

Мягкий говор У обладал приятным звучанием.

Е Чанцзянь вежливо улыбнулся и поклонился им.

Янь Уюй высунул голову и помахал им:

— Здравствуйте, сестры.

Женщины, прикрыв ротки, засмеялись:

— Маленький господин, какой ты сладкий, кто из нас твоя сестра? Мы твои матери можем быть!

Янь Уюй искренне ответил:

— Сестры, вы не стары, вам вечно восемнадцать, и вы прекрасны, как цветы!

— Хи-хи-хи... — На берегу раздался звонкий смех.

Лодка с черным тентом продолжала плыть вперед, удаляясь от берега. Женщины постепенно превратились в маленькие точки, и когда их уже не было видно, Янь Уюй спрятал голову обратно и продолжил рисовать.

Е Чанцзянь спросил:

— Лу Яо, как тебе пейзажи Гусу в сравнении с Ханчжоу?

Янь Уюй покачал головой:

— Чисто, элегантно, красиво, мило — они равны.

— А люди?

Янь Уюй небрежно ответил:

— В Ханчжоу красавцев и красавиц видимо-невидимо, но все вместе они не сравнятся с той холодной красавицей из Гусу, что в сердце Юаньсы.

Е Чанцзянь косо посмотрел на него:

— Янь Уюй, у тебя язык без костей.

Янь Уюй сложил руки в поклоне и сказал:

— Взаимно.

Е Чанцзянь поднял бровь:

— Благодарю.

<http://bllate.org/book/16478/1496944>